

Александр РОМАНОВ

Александр Александрович РОМАНОВ родился в 1930 году в деревне Петряево Вологодской области. Окончил Вологодский педагогический институт и Высшие литературные курсы в Москве. Автор многих книг стихов и статей о русской советской поэзии. Лауреат премии имени А. Яшина. Член Союза писателей СССР. Живет в Вологде.

ЯШИНСКИЕ ПИСЬМА

ПИСЬМА УШЕДШИХ от нас людей — это негасимый свет их души, их слышимые голоса. Минуют десятилетия, а в пожелтевших листочках ощущимо хранится тепло живых рук. И время уж не выдувает его. Напавшие второпях по какому-нибудь уже забытому случаю или поводу, эти письма тревожат сердце своим сокровенным участием в продолжающейся жизни. Лишь только взять их — и увидишь, как плотно сомкнута своя сегодняшняя жизнь с тем временем, когда они писались тебе. Именно тебе одному, совершенно доверительно, как на духу, когда и помыслить нельзя, что их прочтает когда-нибудь другой человек. Откровения близкого сердцу нуждаются в молчании.

Я с 1959 года берегу письма Александра Яковлевича Яшина. Эта небольшая стопка почтовой бумаги вобрала в себя восемь лет наших взаимоотношений. Я редко доставал ее, но всегда помнил, что она есть, что только достань — и обожжешься об его стремительный почерк. Яшин писал не часто, но всегда по делу. Писал торопливо, будто с вокзала, когда вот-вот отойдет его поезд. Мысль обгоняла перо, чувство сжигало случайные слова, поэтому в письмах много зачеркиваний и поправок. Он не заботился о стиле — некогда было, а хотел только одного: всколыхнуть, наставить и поддержать человека. Уверен, так писал он всем, чьей судьбой был озабочен.

Многие годы я никому не говорил об этих письмах. Лишь сейчас решил коснуться их, как далеких костров, от которых искры летят нам вслед и не гаснут во времени.

Вот часть письма от 18 октября 1962 года. Посылаю тебе вырезку из журнала «Москва»... — о твоей книге, о тебе. Понимаю, что у тебя уже есть такая, но лишняя не вред. Сожалею, что ты уже закончил ВЛК и покинул Москву, реже видеться будем.

Одного желаю: пиши больше, чаще, постоянно пиши, накапливай свое богатство! Имей в виду, что нынешние очень известные молодые — Евушенко, Рождественский, Цыбин — берут и количеством. «Гений — это количество», — записал в своих дневниках Жюль Ренар... В. Белова приняли в члены СП единогласно, как исключительно талантливого прозаика. Мне было приятно еще раз убедиться, что я был прав...»

Сделаю некоторые пояснения. Весной 1962 года я закончил двухгодичную учебу в Москве на Высших литературных курсах и, уезжая в Вологду, подарил Александру Николаевичу Макарову, руководившему нашим творческим семинаром (вместе с Ярославом Смеляковым) свою новую книжку «Сыновья любовь». Подарил стеснительно, с робостью, так как за два года занятий мы, слушатели курсов, узнали и полюбили А. Н. Макарова как блистательного литературного теоретика и критика, а более всего — как человека редкой душевной чуткости. Конечно, я не мог рассчитывать, что он, заваленный новыми книгами со всей страны (многим хотелось, чтобы о них что-нибудь сказал именно А. Н. Макаров), удосужится написать о моем сборнике. Однако он написал очень точную рецензию «Забота и любовь», вырезку которой из журнала «Москва» и послал мне Александр Яковлевич Яшин.

Послать журнальную вырезку — казалось бы, что тут особенного! Однако этот случай оказался единственным в моей литературной жизни. Он красноречивее всего говорит о том, с каким пристальным, бережным, даже ревнивым вниманием относился Александр Яковлевич к нам, тогда молодым его землякам. Особенно следил он за развитием Василия Белова. И в этом письме горделиво радовался, что оказался прав, посоветовав Белову перейти на прозу.

Вот часть письма от 14 февраля 1963 года.

«Спасибо за поддержку. Считаю, что ты поступил и благородно, и мужественно не только по отношению к моей вещи, а по отношению к жизненной правде и, главное, по отношению к самому себе.

Ржа ест железо, лжа — душу. Человек, проявивший слабость единожды, может на всю жизнь остаться с переломленным хребтом. А для того, чтобы честно и плодотворно работать в литературе и служить народу, надо иметь хорошее здоровье и прямую спину.

Хочу тебе сказать, дорогой друг, чтобы ты не волновался: все будет хорошо, все со временем выправится. Дело не в одной Вологде, свет на ней клином не сошелся. В Москве «Вологодская свадьба» принята очень хорошо. Писем идет очень много со всех концов — и мне, и в «Новый мир» Твардовскому, и, конечно, в «Известия», и в «Комсомольскую правду».

«Открытое письмо» и заметка студента составлены очень грубо <...> и всем это сразу стало ясно. Я в контакте с нашим партийным руководством и с рядом других товарищей. Они считают, что нет никаких оснований нервничать и торопить события. Я полагаю, что люди из Никольска, подпавшие письму, изменят свое мнение о «Вологодской свадьбе», когда сами прочтут ее...

Оживление, наступившее в литературе, — процесс необратимый. В нем отражение общего политического курса партии <...>, объявленного XX съездом. Этот курс, естественно, не все проводят с одинаковой последовательностью, а некоторым он просто не по душе — в этом все дело. Но литература советская должна стать «совестью народа» и станет ею, иначе она не сможет выполнить своей роли «первой помощницы партии». Кое-кому легче организовывать «письма», чем заниматься настоящей большой работой среди молодежи, в народе. А в Вологде, вероятно, еще обрадовались и возможности взять реванш за статью «Ладно ли?»...

Двадцать лет прошло, как послано это письмо, а каждое слово — в точку. Вот что значит прицельная зоркость писательской совести! Мне остается пояснить здесь лишь немногое. Очерковая повесть «Вологодская свадьба» была напечатана в журнале «Новый мир», который в ту пору редактировал А. Т. Твардовский. Обсуждалась она в Вологде незадолго до этого письма. В городском Доме культуры при стечении множества народа в защиту ее выступили немногие, в том числе и я, но наши голоса были смяты иными ораторами. В статье «Ладно ли?», напечатанной Яшиным в газете «Литература и жизнь» (нынешняя «Литературная Россия»), говорилось с болью о том, что в Никольском районе остаются под снег травы по берегам рек и на дальних лесных полянах, а скашивать их для личного скота не разрешается.

Сегодня каждый может раскрыть «Вологодскую свадьбу» и убедиться, что Яшин, изображая деревенскую жизнь шестидесятых годов, ни в чем не покривил душой, не отступил от правды. Он был в ряду зачинателей так называемой «деревенской прозы», которая ныне могучим потоком влилась в советскую литературу. Он, коммунист, сказал прямо и честно о том, что его волновало, ибо душа его была озабочена только правдой.

Весной 1963 года он пишет: «Я в начале

апреля снова приеду в Никольский район. Буду жить в дер. Скачково и работать. Хорошо, если бы В. Т. Невзоров догадался связаться до этого с Никольским районом, чтоб здесь не опасались оказывать мне кое-какое содействие в работе и в жизни, изменили бы отношение ко мне. <...> А сами они не знают, как теперь относиться ко мне. Скачково — это деревня, в которой была написана «свадьба». Без Никольского района у меня ничего не пишется. Хочу жить там всю весну и лето, а м<ожет> б<ыть> и осень (м<ожет> б<ыть> летом побываю у меня, Сашенька, а?!). Жду весточки Василья Белова. М<ожет> б<ыть>, у него хорошие теревиные тока и сначала стоит съездить к нему?»

Какая беззащитность, откровенность и чистота души! Перечитываю письмо — и ком горле стоит. А как, чем помочь Яшину. Ну, продвигал я присылаемые им стихи в «Красный север» и «Вологодский комсомолец», спасибо, печатали, но гонорар тут здесь газетный — что это для многодетной яшинской семьи! И казнию себя, что не съездил летом к нему в Никольский район, поздние покаяния с годами все горше и горше...

Потом получаю от него такое письмо: «Я чувствую себя очень больным, худею, теряю силы. Когда высказывал врачам свои подозрения и просил искать причины, меня успокаивали и старались все объяснить нервным напряжением, «переживаниями», а болезни называли «ракобоязнь», будто бы очень распространенную в наше время. Но вот в днях меня кладут на операцию. Даст ли она что-нибудь, не знаю. Но я, кажется, даже огорчен, так в последнее время жизнь сложилась для меня неинтересно. Может быть, позднее еще и жалеть буду... Работать мне уже давно не хочется, а это еще больше подрывает силы...»

Теперь-то мы знаем: Александр Яковлевич никогда не прекращал работы и ездывал, что ему не пишется, то это означало лишь то, что работалось ему не так, как хотелось бы, как позволял его самобытный талант. Он взваливал на себя огромную массу неотложных замыслов, торопился исполнить их и одновременно писал по нескольким вестям кряду. Дома, в дороге, в больнице — нигде не расставался с рукописями и рабочими тетрадями, и чем тяжелее сыпались удары судьбы, тем жарче горело перо в его руках. Ко времени процитированного выше письма он работал над повестями «Сирота», «Баба-яга» и другими. Поэтому так высоко и справедливо судил он наши книги, выходявшие в то время, так строги и жестки были его требования к нам.

Для примера приведу выдержку из двух писем, посланных из Кисловодска (видимое после лечения в больнице, где собирались делать операцию, но делали ли тогда — этого не знаю). В первом, от 13 января 1964 года, он пишет: «Я в Кисловодске, и книгу Василья и письмо мне привезла Злата Константиновна уже сюда, потому так поздно и отвечаю. Еще не изучил всю ее, но я Вас очень люблю и уважаю как поэта и человека, и мне приятно, что в книге есть посвящение мне. Вот прочитаю поэму снова, тогда, может быть, скажу кое-что и по существу... Я в Кисловодске провел и Новый год. Пил л

Александр Яшин

арство вместо вина и валерьянку, как баба всякая. А потом рассердился и рванул коньяк, да так, что чертям тошно стало. Злата Константиновна приехала выручать меня. Почти все время лежу. Того будто бы не казалось, но я все не здоров. В Москву возвращаюсь на днях...

Здесь речь идет о моей книжке «Семи-ездие», в которой напечатана поэма «Хужники», посвященная Яшину. Но к разговору о ней он больше не возвращался: видимо, поэма показалась слабой. Примечательно здесь определение чтения как изучения книги. Следующее письмо от 24 января 1964 года (поезд Кисловодск — Москва).

«Сегодня мы со Златой Константиновной перечитали в пути всю Вашу книгу «Семи-ездие». Многие стихи нам очень нравятся. Писать Вы стали свободно и как-то легко, хорошо и легко, без сочинительства. Поэт Вы истинный. Но, думается, что работаете Вы все еще не в полную силу. Мало! Не решает брюки в шагу. Не ставите перед собой больших задач, не лезете на рожон, не стараетесь выскочить выше своей головы. А надо стараться! Надо лезть на рожон, на стенку, надо пытаться укусить собственную локоть! Сейчас самое время, возраст подходящий уже для этого. Надо, Сашенька, надо! Поймете ли Вы меня? Вы можете сделать очень много, Вам все дано. Не хватает, кажется, только обеспокоенности, дерзости, страстного рвения к большому труду, подвигу. Нельзя долго удовлетворяться тем, что выпускать просто один сборничек другим — спокойно, не очень торопливо, почти благодушно. Пожалуйста, поймите ме-

ня. У Вас есть силы совершить что-то большое, большее, чем то, что Вы сейчас делаете.

Прочитайте в одном из последних номеров «Недели» («Известия») стихи (...). Вот где поэзия! Это выше и конкретнее «Человека» Межелайтиса. А Беллочка Ахмадулина, о которой Вы вспоминаете немножко иронически, напечатала в № 12 «Юности» уже прозу <...>. Я Вас люблю, потому и пишу так...

Привожу эти выдержки из письма с чувством понятной неловкости. Делаю это лишь потому, что в них — яшинское завещание всем, кто берется за писательское перо. Особенно молодым товарищам, идущим нам вслед. Признаюсь, в ту пору, когда получил письмо, я был настолько взволнован его страстным призывом, что долгое время не открывал своих рабочих тетрадей. Боялся открыть — так немочно и слабо казалось все, что в них писал. Душа была опалена яшинскими словами. И теперь, по прошествии этих двух десятилетий, к сожалению, не могу сказать, что завет Александра Яковлевича я выполнил. Но он постоянно тревожит мою совесть, не дает покоя, заставляет глубже смотреть в жизнь и в свое слово. А ведь самому Яшину в ту пору, в 1964 году, только-только перевалило за пятьдесят. Вот какая таилась в нем сила!

В письме от 4 апреля 1965 года он, в частности, советует: «...Прозу начали писать — это очень хорошо! Надо делать все, пока Вы молоды... Васю Белова слушайте и даже слушайтесь (простите меня за откровенные поучения). Помните: это очень большой талант, большой писатель и умница. Это редкий человек! И никакая дурь ему никогда в голову не ударит, она — сила. Дорожите дружбой с ним, не пренебрегайте его советами, даже молчаливыми... С ним Вы не собьетесь с пути правды и подлинного искусства. Верьте мне в этом, Саша! И бойтесь карьеристов, дельцов от литературы, чиновников. Ни у Васи, ни на родине мне, видимо, долго (либо уже совсем) не побывать. Я что-то очень слабею, хуюдо. А может быть, еще и справлюсь... Да! В своем таланте никогда не сомневайтесь. Он у Вас есть, и никто у Вас его не отнимет, разве только Вы сами. Сомнения преодолеваются работой, только работой. Мало Вы пишете, мало!..»

Ну, что тут сказать? Напор, каким воодушевлено это письмо, убедителен и непрерываем. В нем свет для сомневающегося сердца и открытая дорога для дружбы и работы, означенная нам на многие годы вперед. Через две недели (18 апреля 1965 года) — другая весть, даже не письмо, а просто второпях исчерканный листочек, приложенный к чудному письму со словами: «Прочитай, посмотри... Переслал мне его из Центрального телевидения, а я — тебе в порядке информации. Зачем мне оно?.. Вчера мне из высокого учреждения было сообщено по телефону, что моя просьба о внеплановой, досрочной электрификации моей родной деревни Блудново удовлетворена. К работам уже приступают. Видимо, в июне земляки, мои соседи, получают свет. Возможно, что доведут линию и до моей избы на Бобринском угоре...»

Радостный оттого, что его нелегкие хлопоты в Москве о досрочной электрификации родных деревенских мест увенчались наконец-то успехом, Александр Яковлевич в этот же

день расстроен, взвинчен, оскорблен письмом из Вологды, посланным на Центральное телевидение. Привожу выдержки из этого письма.

«Во время передачи «Приветствуем космонавтов» 20 марта сего года мы слушали выступление по телевидению поэта т. Яшина — нашего земляка, и нам очень не понравилось его выступление. Т. Яшину предоставилась такая замечательная возможность... передать приветствие от всех земляков-вологжан нашему герою-космонавту Беляеву Павлу Ивановичу, а он вместо этого передал приветствие только от лесных обитателей нашей области (медведей, лис, горностаев и прочих зверей), а не от советских людей, его земляков... И очень неприятно слышать это от своего земляка, казалось бы, современного поэта. Возможно, он хотел поздравить в шуточной форме, но этого, на наш взгляд, у него не получилось, а, напротив, его выступление обидело и даже оскорбило нас — вологжан. Он пригласил героя-космонавта только на охоту, а не посмотреть наш областной город, наши промышленные предприятия, колхозы и совхозы нашей области... Видимо, т. Яшин не сделал соответствующего вывода после критики его произведения «Вологодская свадьба» и до сих пор живет своими устаревшими взглядами на жизнь вологжан, поэтому, очевидно, не случайно он назвал нашу область «семинадцатой республикой»... Да, следует еще отметить, что и его предшественник, который выступал до т. Яшина со стихами «О горностае», тоже не блеснул своим дарованием, а очень хотелось бы побольше интересных, содержательных выступлений.

Портниха швейной фабрики «За культурный быт» Миролюбова А. М., офицер запаса Миролюбов А. Н., инженер конструкторского бюро Лучкина М. Ф. Город Вологда».

Вот так! Не больше, не меньше, а лишь «казалось бы, современный поэт», «не сделал соответствующего вывода после критики», «живет устаревшими взглядами» и т. п. Что это? Как назвать? Ни капли уважения к поэзии, к труду и имени известного в стране писателя, лауреата Государственной премии СССР, своего же брата-земляка Александра Яшина. Горько, очень горько было читать ему такие несправедливые письма с родины!

Никто из нас не застрахован от ошибок или промахов в делах и в жизни. Тем более в такой жизни, которая всегда на виду у людей и отдана им же, людям, до последнего дыхания. В моем Петряеве старые крестьянки (вот умницы!) в подобных случаях говорят: «И худ, да свой — не бей при мне». А между тем, как подтвердило время, и «Вологодская свадьба», и другие прозаические произведения многое прояснили в сознании внимательных читателей и оказались у истоков нынешних коренных преобразований российского Нечерноземья.

Дело, как говорится, прошлое, но выдержки из письма я был вынужден привести как пример недостойной критики. И еще процитировал потому, чтобы наглядно показать, как опрометчиво и небрежно иной раз мы судим о трудных писательских делах. И это где? В литературной Вологде!

В заключение поясню, что упоминавшийся в письме «предшественник» Яшина по телепередаче, который тоже «не блеснул своим дарованием», был не кто иной, как один из талантливейших современных русских писате-

лей Владимир Алексеевич Солоухин. И ему заодно попало — не садись рядом с Яшиным! И еще замечание по этому поводу. Когда мы с Сергеем Викуловым были в Звездной городке в гостях у прославленного нашего земляка-космонавта Павла Ивановича Беляева, то в дружеском разговоре выяснилось, что он хорошо знал вологодских писателей: читал их произведения, особенно яшинские! Так что обидеться он не мог за приглашение Яшина на охоту в родные вологодские леса.

А Яшин в ту пору уже тяжело болел, не держался, как всегда, мужественно и верно, в лучшие перемены. В письме от 18 июня 1965 года он, в частности, сообщает: «Видимо, ты передал какие-то мои стихи в «Красный север» и они там были напечатаны. Злата Константиновна сообщила мне, что получен перевод, но газету не послали. Я живу в Ленинграде. Кроме как через тебя или через Васю Белова я не смогу получить эту газету со стихами. Если не сочтешь за труд, перешли мне при случае. В Ленинграде я и этот раз с сыновьями — Сашей и Митей. И опять свои дела отходят на второй план, все хочется, чтоб ребята получили от этой поездки больше. Таскаю их всюду (мы на машине), устаю до смерти, а им все мало и мало.

Перед Беловым чувствую себя очень виноватым — заставил человека ждать зря. «Новом мире» в № 6 или № 7 у меня идея, небольшой рассказ «Угощаю рябиной» — та же, безобидный. Но хочется, чтобы он понравился, хотя бы тебе и Васе.

Твардовский лежит в больнице — началось заболевание ног из-за неумеренного курения, нет пульса и что-то еще в этом роде. Все обездомо, если будем так жить. Останутся на свете одни умеренные и аккуратные... Скоро уже мои дела поправятся, надеюсь. Когда ты соберешься сделать избранное для «Советского писателя» или новую книгу? Кажется, я уже смог бы сейчас поддержать. Не забывай о лежащем камне, под которым вода не течет».

Опять виноватая распахнутость души, трогательный порыв сделать добро, предостеречь, помочь. И какое скромное о себе мнение о своем, может быть, самом лучшем рассказе «Угощаю рябиной» он говорит: «так, безобидный, но хочется, чтобы он понравился, хотя бы тебе и Васе». Право же, нету таких слов, чтобы выразить все мое сердечное смирение от вновь перечитанного письма. Только, ясно, совсем близко вижу самого Александра Яковлевича: из-под густых, рыжеватых бровей чуть усталый прямой взгляд. Не отвернуться, не отмолчаться — он произывает все мое существо.

Неужели Александр Яковлевич в самом деле думал, что рассказ «Угощаю рябиной» та же, рядовой? Или, может быть, без отдыха, ворочая тяжелые и острые темы, он в этом рассказе лирически расслабился, расчувствовался, затуманился недоумением, и потом показалось, что получилось что-то «безобидное»? Теперь уже не спросишь. А рассказ «Угощаю рябиной» рдеет в современной литературе задумчивой русской зарей. Не случайно чуткие к тонкостям душевных переживаний японцы перевели его на свой язык.

И еще одно пояснение. «Виноватость» перед Беловым состояла лишь в том, что Яшин

обещал весной 1965 года приехать к нему Тимонику, но из-за семейных и прочих obligations вовремя не смог собраться. Пошел туда через год. По этому случаю пишет марта 1966 года: «...Еду до станции Харьковская, а оттуда к В. И. Белову. Надеюсь, а покое поработать. Вася обещает, что возможности там будут — и побродить на лыжах по лесам, тетеревов поугасть. В Вологде буду гром 10 марта, но я решил не останавливаться, не знаю, осудите вы за это меня или нет...»

Боже мой, осудить его за то, что проедет банитным поездом мимо Вологды! Хорошо мне десятиминутную остановку на вокзале. Я увидел Александра Яковлевича в дверях вагона. Без шапки, в меховой, как у етчиков, куртке и унтах, он спустился с подожки и сгреб меня в широкое и крепкое объятие. Волосы его трепал снежный весток, а лицо сияло от возбуждения. С высоты своего роста он, наклоня голову, смотрел на меня тепло и благодарно, что не забыл встретиться, что прихватил с собой кулек вологодских пирожков, от которых он понавалу отказывался, но потом взял: пахнут ролной. О чем говорили в те минуты, не помню, но остался в душе тот, дорожный его образ: бледное, со следами страдания и все-таки радостное лицо, взгляд, полный азарта, живых надежд и глубоко спрятанного сомнения. Яшин еще раз помахал рукой и скрылся за взметнувшимся снегом.

Остановлюсь еще на одном письме — от 3 января 1967 года. Оно передано из вологодской больницы, где Александр Яковлевич лечился от гриппа. Состояние его было тяжелое, в палату не пускали. Мы с Александром Сушиновым принесли ему кое-каких гостинцев и только что купленный одностомник бабеля. Вот что он написал (почерк нервный, рыгающий, опасный):

«Милые, дорогие Саша-2 — Саша! Думаю, что у меня не было гриппа. Еще не встаю, хотя сегодня утром температура была уже нормальная (после 40,2°). Сейчас опять повышается, чувствую.

Бабель — очень дорогой подарок... Мне ничего не надо. Но я очень ослабел. Даже о енщинах больше не думается и о медвежьей берлоге тоже. А ведь Саша Романов, наверно, знает, как это организовывалось (...). У меня есть дивные письма из деревни, от читателей и прочих — две папки.

Я очень рад, что вы рядом, что пришли.

Ребята! Надо бросать пить и курить совсем! Саша, я слышал о твоём выступлении на партактиве только хорошее. Жаль, что я не смог быть, а пропуск был...»

Когда медсестра передала нам яшинский ответ, я очень встревожился: в письме опять горечь, связанная с «Вологодской свадьбой». Прошло уже почти четыре года, как она опубликована, а ему все нет покоя. Видимо, ночью от высокой температуры бредил, и следы этого горячего состояния отразились в почерке и в самом письме. Теперь я не сомневаюсь в том, что болезнь, сразившая его в расцвете сил и таланта на пятьдесят шестом году жизни, возникла от нервных потрясений. Кто знал его, помнит, какой это был крепкий человек. Глядя на него, рослого, жилистого, гордого, всегда думалось: нет ему износа, он — что дерево из никольского сузёма, которое под грозой стоит прямо, а под ветром звенит. Природа создавала его на долгие годы, для большого подвига. Он сделал многое — проложил трудную дорогу к правде жизни, но на этой дороге сгорел и сам. Писательские передряжки на пути к правде жизни очень тяжелы. А тут еще всякие упреки-попреки...

Возвращаясь к письму, добавлю, что и в те моменты, когда Александру Яковлевичу было плохо, он оставался самим собой, пытался заслониться шуткой, иронией. Вот и здесь он, страстный охотник, горько отшучивается, что уже не думает о медвежьей берлоге. Упоминаемый им в письме актив проходил в Вологде, в обкоме партии, на котором я выступал с отчетом о работе нашей писательской организации. Кстати, Яшин всегда был в курсе партийных дел в области, бывал в обкоме, в облисполкоме, в райкомах партии, в местных газетах — везде отзывно горело его сердце на добрые начинания. Он рвался к ним, участвовал в них, кровно был связан с родным народом и творил добро во имя народного блага. «Спешите делать добрые дела!» — этот завет он оставил нам и всем, кто входит в жизнь.

Я перелистал некоторые сохранившиеся у меня письма Александра Яковлевича, и душа вновь объята благодарностью к нему и гордостью, что год от года все теснее встают на читательских полках его страстные, сочувственные и жизнеутверждающие книги, выпускаемые разными издательствами страны. Яшин — не позади, он по-прежнему — впереди нас.